

*Данный материал является препринтом статьи **Ульяны Петровны Стрижак** «Японская агентивность: языковое поведение соматических актантов (на материале корпусных данных)», рекомендованной к печати в **1-ом выпуске 2024 года** научного журнала «Вестник Санкт-Петербургского Университета. Востоковедение и африканистика».*

*This material is a preprint of the article "Japanese agentivity: linguistic behavior of somatic actants (based on corpus data)" by **Uliana P. Strizhak**, recommended for publication in **1-st Issue of 2024** of the scientific journal "Vestnik of St. Petersburg University. Asian and African Studies".*

Статья поступила в редакцию: 22 августа 2022

Рекомендована к печати: 9 января 2024

Received: 22 August 2022

Accepted: 09 January 2024

УДК 811.36+811.521

Японская агентивность: языковое поведение соматических актантов (на материале корпусных данных)

У. П. Стрижак

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

В статье анализируются особенности функционирования агентивных соматических конструкций в японском языке. Работа выполнена на материале

авторского параллельного синтаксически размеченного русско-японского корпуса примеров, в котором задокументированы маркированные для японской когнитивной языковой нормы случаи воздействия неодушевленного субъекта на человека, что нарушает иерархические представления японцев и фиксируется как нарушение их когнитивных представлений об окружающем мире. Работа описывает зафиксированные в корпусе употребления соматизмов как в субъектной, так и в объектной позициях, и представляет их интерпретацию с точки зрения наличия у них агентивных признаков с учетом их онтологической сопряженности с человеком как центром разворачивания действия в японском языке. Когнитивная маркированность представленных в корпусе русских агентивных соматических конструкций требует трансформации при их передаче на японский язык; таким образом, лингвокогнитивный анализ русско-японских аналогов объясняет особенности агентивного употребления японских соматизмов с точки зрения когнитивного восприятия их семантических и синтаксических ролей. При этом в объектном употреблении соматизмов выделяется их особый подвид: отсутствующие в оригинальном тексте дополнительные актанты, выполняющие функции смягчения каузативной силы, вводимые и обозначаемые в данной работе как «амортизирующие» актанты. В результате в научный оборот вводится понятие «когнитивной амортизации» как смягчения эмоционального воздействия — необходимой с точки зрения носителей японского языка трансформации когнитивно некорректного агентивного высказывания, содержащего каузативный антропоориентированный компонент с неодушевленным субъектом в роли каузатора. Итоговой целью работы является определение агентивного статуса японских соматизмов и его интерпретация.

Ключевые слова: соматизмы, агентивность, японский язык, когнитивное ограничение, неодушевленный субъект.

Введение

Данная работа представляет собой фрагмент исследования японской агентивности как совокупности семантических характеристик японской языковой единицы, отражающих процесс воздействия на субъект или объект, приводящего к изменению их состояния; при этом под языковой единицей понимается как отдельный элемент, так и их синтаксическая общность. Ключевой метрикой измерения агентивности является степень выраженности агентивных признаков у пары «субъект-предикат», что обуславливает необходимость анализа актантно-предикатной структуры предложения. Исходя из существующего понимания прототипических агенса и пациенса,

синтаксически реализуемых через позицию субъекта и объекта, интересно рассмотреть языковое поведение в описываемых условиях фрагментов телесной сферы человека, отображающих неотъемлемую (в некоторых классификациях соматизмов — неотчуждаемую) составляющую человеческого тела как «целого», и часто путем метафорического уподобления замещающую самого человека. В. А. Плунгян указывает на то, что обязательная соотнесенность ощущений человека с различными органами его тела является универсальным свойством всех языков, «различие же между конкретными языками заключается в том, как именно распределяются ощущения на наивной «анатомической карте» человека» [11, с. 155]. В контексте данной работы будет проверено, являются ли японские соматизмы полноценными «заместителями» человека, действуют ли на них те же правила семантико-синтаксического согласования и когнитивные ограничения¹, что и в случаях с парой «неодушевленный субъект — человек», занимающими субъектную или объектную позиции. Эти ограничения были изучены и систематизированы нами ранее [15, с. 42-44, 81-82]; в основном они касаются предпочтительности непереходных конструкций и строгого ограничения по критерию одушевленности, что подразумевает осознанность и автономность выполнения действия, а также наличие у центральных аргументов волевого и контролирующего начала. В целом теоретические положения о типичности для японского языка нетранзитивной модели представления окружающей действительности излагаются в научном поле японскими лингвистами (см., напр., [17]; [20, с. 36, 72] и др.), которые неоднократно подчеркивают такие характерные черты японского языка, как стремление акцентировать не отдельные действия, а всю ситуацию в целом или результат осуществленного действия; запрет на занятие неодушевленным каузатором позиции центрального аргумента переходного предиката [18, с. 203-204]; желательность «обнуления» себя и других участников ситуации в целях снижения общей акциональной насыщенности высказывания, чему способствует также и преимущественное использование стативных предикатов [19, с. 46-49] и т.д. В лингвистической литературе допускается разная степень отклонения агенса и пациенса от их прототипической модели во многих языках: напр., неодушевленный субъект нередко выступает в роли каузатора в английском языке в предложениях типа *What made you come here today* 'Что привело вас сюда сегодня' или

¹ Под когнитивными ограничениями в данной работе понимаются ограничения, накладываемые совокупностью представлений об устройстве окружающего мира в японском языковом сознании. Соответственно, в работе будет употребляться также термин «когнитивная инородность», характеризующий как глубинные, так и поверхностные языковые структуры, нарушающие данные ограничения.

The wind opened the door ‘Ветер распахнул двери’; то же во французском языке: *La lumière braquée lui blesse les yeux* ‘Свет режет ей глаза’; для испанского языка характерны конструкции типа *Me satisface el amplio apoyo...* ‘Меня обрадовала та широкая поддержка...’ и т.п. Но в японском языке неодушевленные актанты почти всегда более строго, по сравнению с европейскими языками, ограничены в возможности выступить главными аргументами агентивного предиката (что связано с жесткой иерархичностью японских представлений о взаимоотношениях человека с окружающим миром) и не обладают необходимыми агентивными признаками для осуществления осознанного, автономного, волевого и контролируемого действия (исключения составляют лишь случаи со смещением фокуса эмпатии).

Методология исследования

Для проверки данных положений мы обратились к материалу авторского параллельного русско-японского корпуса художественных произведений, в котором задокументированы несвойственные японскому языку (как следует из представленных выше теоретических положений) случаи воздействия неодушевленного субъекта на человека типа *предчувствие его не обмануло*. Как было сказано ранее, такие случаи нарушают иерархические представления японцев и фиксируются как нарушение их когнитивных представлений об окружающем мире, что требует грамматических трансформаций. Всего в корпусе были зафиксированы 2308 примеров из 35 произведений русской художественной литературы, отобранные методом сплошной выборки, и их японские аналоги, от одного до пяти переводов на каждую исходную единицу; при этом исходной точкой анализа служило русское предложение. Соответственно, корпусная единица представляет собой пару «исходное русскоязычное предложение (или его фрагмент, релевантный для понимания агентивных отношений) и его перевод на японский язык», аннотированные вручную в силу неразработанности на сегодняшний день синтаксических анализаторов японского текста². Критерием отбора послужила описанная выше маркированность высказывания, а именно: наличие неодушевленного субъекта при антропоориентированном агентивном предикате; например: *Судьба кидает меня в разные стороны, Рассеянность еще мучила ее, В спину толкал их ледяной ветер, продувая насквозь; Чувство радости и гордости охватывает меня* и др. Была выдвинута гипотеза, что японский язык требует трансформации

² Фрагмент корпуса приведен в приложении.

высказываний с неодушевленным субъектом при агентивном предикате в силу когнитивного приоритета одушевленного субъекта.

Исследование корпусного материала показало, что доля преобразованных высказываний составила 69,71% от общего количества. В определении уровня агентивности каждого японского высказывания двумя главными переменными послужили агентивность субъекта и предиката (введение дополнительных актантов и влияние эмпатического фактора учитывались при расчете общей агентивности как дополнительные веса и обозначены в работе как AW «additional weight»), определяемая согласно результатам ранжирования. Агентивность японского предиката измерялась по ранговой шкале от пассивных глагольных форм как самых низкоагентивных, перемещающих субъект на периферию высказывания и акцентирующих не действие, а его результат, до каузативных, наделяющих субъект максимальным воздействующим потенциалом: (ранг 1) пассив → (ранг 2) имя существительное/имя прилагательное → (ранг 3) непереходный глагол состояния → (ранг 4) непереходный глагол действия → (ранг 5) переходный глагол (в т.ч., лексический каузатив) → (ранг 6) морфологический каузатив (более высокий ранг морфологического каузатива обусловлен дистантностью воздействия, требующей более интенсивных каузативных усилий). Агентивность японского неодушевленного субъекта рассчитывалась, исходя из степени его трансформации. Самый низкий агентивный ранг показывает полное исключение исходного неодушевленного субъекта по типу: *Мысли обступили ее* → *Sono koto wo arekore otoi megurasu*³ ‘Она обдумывала все это непрерывно’ (мысль → обдумывала). Следующий ранг – это сохранение присутствия неодушевленного каузатора с понижением его актантного статуса до инструмента/места/источника и др. в результате субъектно-объектной замены: *Известие это раздражило Левина* → *Sono shirase ni Ryovin wa iradatta* ‘Из-за этого известия Левин разозлился’ или: *Их сморила жара* → *Atsusa ni hekotareta* ‘От жары они выбились из сил’. Как видно, в результате неодушевленный агенс/сила/стимул выводятся из фокуса внимания и перемещаются на периферийные синтаксические позиции. Частным случаем субъектно-объектной замены является пассивная конструкция, в рамках которой таким же образом дефокусируется неодушевленный агенс/стимул, и фокус смещается в сторону одушевленного субъекта: *Этот случай ободрил его чрезвычайно* → *Kono guizen ni hidoku yuukidukerareta* ‘Этим

³ Для записи текста на японском языке используется поливановская транскрипция. В некоторых случаях, когда акцентируется графическая составляющая японского знака, также используется иероглифическая запись.

случае он был чрезвычайно ободрен'. Далее по ранговой шкале следует вариант передачи исходного высказывания без мены диатезы, но со снижением акциональности предиката, напр., за счет замены предиката с глагольного на адъективный: *Вода манила ее после воздушной гонки* → *Mizu wa hijou ni miryokuteki datta* 'Вода была очень манящей'. Это приводит к падению уровня общей агентивности высказывания даже при сохранении агентивного статуса неодушевленного субъекта: в переводе предикат обозначает не воздействие, а качество неодушевленного субъекта; как следствие, агентивная сила субъекта сохраняется, но не в полной мере. В результате агентивная сила субъекта была ранжирована следующим образом: (ранг 1) потеря актантного статуса → (ранг 2) понижение актантного статуса → (ранг 3) расщепление актанта → (ранг 4) сохранение актантного статуса при пониженной агентивной силе предиката → (ранг 5) сохранение актантного статуса при введении дополнительного актанта, расщепляющего фокус каузации → (ранг 6) полное сохранение актантного статуса. В итоге методом композиционного анализа была вычислена степень агентивности каждого японского аналога с учетом рангов обеих переменных и дополнительных факторов. Приведем несколько примеров.

(1) *Как удар, **хватила** мысль* → *Omoi ni osowareta* 'Мыслью был **охвачен**'

(предикат: ранг 1, субъект: ранг 2, AW нет; итоговое значение агентивности = 6)

(2) *Эта горькая мысль **впилась** в меня со всею силою* → *Kono hitsuu na omoi ga inamigatai hageshii hinan to natte* 'Эта горькая мысль **стала жестоким укором** для меня'

(предикат: 3, субъект: 4, AW нет; итоговое значение = 33)

(3) *Воспоминание **заставляло его** вздрагивать* → *Kioku wa kare no mi wo furuwase* 'Воспоминание **заставляло вздрагивать его тело**'

(предикат: 6, субъект: 5, AW: доп. актант *тело*; итоговое значение = 83)

Следует отметить, что развитая система анафорических отношений в японском языке иногда приводит к потере информации в рамках отдельных отрезков текста и требует в дальнейшем дополнительного изучения корпусного материала. За пределами данной работы остаются варианты применения выделенных метрик агентивности на уровне более крупных синтаксических и текстовых единств. По мнению информантов, в отдельных случаях выбор определенным образом агентивнонагруженной актантной или предикатной лексемы может быть связан с интеграцией отдельных синтаксических единиц в более крупные текстовые фрагменты, с проблемой авторства высказывания и т.д. (В. И. Подлесская называет подобные факторы «контекстными явлениями» и

подчеркивает их важность при изучении корпусных единиц японских текстов [12, с. 69-70]; в рамках лингвистики текста данные проблемы подробно рассматриваются в исследовании И. И. Басс о закономерностях организации японских текстов [2]).

Результаты текущего анализа показывают, что в процессе объективации фрагментов действительности, нарушающих описанные выше когнитивные ограничения, в японском языке агентивность снизилась по сравнению с исходным уровнем 100 (который был определен по русским вариантам, где были заведомо отобраны предложения с антропоориентированной каузацией, и, соответственно, взят как исходный максимальный). Средний показатель агентивности японских корпусных переводных аналогов составил 42,64, что свидетельствует о выраженном стремлении японского языка к де-агентивизации ситуации; причем это наблюдается не только в примерах с неодушевленными субъектами путем их дефокусизации и соответствующего снижения каузативной силы, но и при помещении в фокус внимания человека – корпусные данные показывают, что в этих случаях предикатная группа также демонстрирует сниженный каузативный потенциал. При этом в ходе общего анализа актантной структуры японского высказывания эмпирически были обнаружены особые свойства и характеристики языкового поведения соматизмов, что привело к выделению этого лексического подкласса как особого типа актантов с разным агентивным наполнением, обусловленным их синтаксическим статусом. Определение и объяснение агентивного статуса японских соматизмов и является главной целью данной работы.

В свете полученных данных далее будет поставлен основной исследовательский вопрос работы: как реагирует японский язык на поведение соматизмов в роли субъекта и объекта таких когнитивно инородных для японского восприятия высказываний. С одной стороны, неотчуждаемость телесных объектов от человека дает право рассматривать их в статусе одушевленного актанта как «части целого», но при этом по своей органической сущности телесные феномены представляют собой фрагменты неодушевленного мира, и, согласно изложенной выше гипотезе, должны попадать под когнитивные ограничения японского языка и быть в какой-то степени дефокусированы при переходе от глубинных языковых структур к поверхностным. Проанализируем поведение японских соматических актантов в таких ситуациях.

Японские соматические актанты: агентивный статус

Под соматизмами в данной работе понимаются наименования телесных объектов в широком смысле, включая части тела и внутренние органы, телесные жидкости и другие

субстанции, продукты физиологических процессов (пот, слезы), инородные объекты (синяк, рана), движения как свойства общей моторики (позы, телодвижения), жесты и мимику и др. В научном дискурсе соматизмы традиционно рассматриваются на лексическом материале в контексте их семантического и словообразовательного потенциала, часто в составе фразеологических оборотов и паремиологического языкового фонда в целом; в рамках диалектных особенностей; а также являются объектом лексикографического анализа. Грамматические особенности языкового поведения соматизмов представлены в лингвистическом исследовательском поле гораздо реже: так, в исследовании А. В. Нагорной [10] на материале английского языка описаны способы вербализации внутрителесных ощущений не только на лексическом уровне, но и в составе синтаксических структур, вербализующих интероцептивные состояния и ощущения. В работе [9] с применением технологий сентимент-анализа изучаются особенности функционирования соматизмов в тесной связи с их актантными и семантическими ролями. На материале немецкого языка А. В. Прожилов проводит структурно-семантический и аспектуально-акциональный анализ соматически нагруженных предикатов, также объясняя причины особого синтаксического поведения соматизмов (падежная поливалентность, взаимосвязь семантических ролей соматических актантов и аспектуальных характеристик предикатов и др.) глубинной структурой соответствующих предикаций с выходом на их онтологический статус [13].

А. В. Нагорная указывает, что «анализ синтаксических структур, используемых при вербализации интероцептивных ощущений, способен выявить глубинные, мировоззренческие установки, касающиеся осмысления факта собственной телесной воплощенности» [10, с. 329] и выделяет несколько типов синтаксических моделей, отражающих разные модусы переживания телесности – экзистенциальный и посессивный, каузативный, модус кажимости и др. В рамках нашего исследования мы будем рассматривать языковое поведение соматизмов, исходя именно из их актантного статуса, поэтому выводы о том, что «синтаксическая структура <...> репрезентирует некоторые феноменологические свойства интероцептивных ощущений <...> и в отдельных случаях репрезентирует когнитивную модель интероцептивного ощущения» [10, с. 21] представляются нам особенно значимыми. Ниже в работе мы вернемся к данному теоретическому положению при обсуждении онтологического статуса японских соматизмов.

Обозначения телесных составляющих встретились в корпусе как на позиции субъекта/каузатора в семантической роли агенса/стимула (напр., *До того поразило ее*

это лицо) – 103 единицы; так и на позиции объекта в семантической роли адресата/места/объекта (напр., *Чувство бесконечного отвращения, начинавшее давить и мутить его сердце*) – 346 единиц. Помимо этого, было обнаружено 295 случаев введения дополнительных соматических актантов, отсутствующих в оригинальных высказываниях – их характеристики и функции рассматриваются ниже в п. 3 данной работы. Общее количество вхождений (744 из 2308) показывает, что каждое третье предложение (32.23%) содержит соматический компонент, что подчеркивает существенность телесной семантики для репрезентации агентивных отношений в японском языке.

Следует отметить, что при отборе учитывались как свободные сочетания с соматизмами, так и устойчивые, хотя последние традиционно принято рассматривать в структурно-семантическом единстве. Действительно, идиоматические выражения являются неделимыми с точки зрения их семантического наполнения, но внутренняя мотивировка устойчивой структуры важна как для понимания внутренних механизмов идиоматизации, так и для анализа внешних по отношению к коллокациям языковых процессов, элементами которого они являются; в нашем случае – агентивности. Такой подход, на наш взгляд, справедлив и для случаев, когда в структуре паремии соматизм представлен не как физический орган или часть человеческого тела, а акцентированы его свойства и функциональные признаки словосочетаний (подробнее о функциональной значимости соматизмов см. в [4]; детально о признаковом подходе при изучении соматизмов в [1, 6, 8]). *Длинные руки* как признак власти; *камень на сердце*, актуализирующий признак сердца как хранилища чувств – такие выделенные значения признаков соматических объектов «говорят нам что-то не только о свойстве соматического объекта, но и о некоторых свойствах его обладателя (напр., психических или социальных), об особенностях той или иной коммуникативной ситуации, в которой данный объект играет существенную роль, или об особенностях культуры и социума, к которым данный человек принадлежит» [8, с. 55-56]. Все эти признаки и значения являются важными семантическими факторами в описании агентивных структур, поэтому в своей работе мы отбирали примеры, не разделяя случаи прямого и переносного значения соматических единиц. Тем более, что материал японского языка также демонстрирует, что «человек являет собой то, каковыми являются его сердце, печень, живот и кишки, понимаемые не просто как анатомический орган, а какместилище, а порой и синоним тех или иных душевных и моральных качеств» [3, с. 211]; и в нашем корпусе некоторая часть соматических актантов представляет собой

устойчивые сочетания (*Меня оскорбляет грубость* → *Watashi wa hara ga tatte kimasu* ‘встает живот’; *Неожиданные слова Порфирия о квартире совершенно его поразили* → *Kotoba wa kare no kimo wo tsubushita* ‘разрушили печень’; *Неприятности постигли кое-кого из людей* → *Fuyukai me ni atta ningen tachi mo ita* ‘были люди, попавшие в неприятную ситуацию’, где актуализируется редкое значение лексемы *глаз* в значении *ситуация* и др.). Но в ходе работы были получены доказательства того, что и за рамками паремиологического фонда определенные функциональные особенности соматизмов встречаются на системном уровне, что позволяет сделать вывод о регулярности описываемых нами явлений в японском языке.

Итак, рассмотрим последовательно поведение соматического субъекта (агенса/стимул и др.) и соматического объекта (адресат/место и др.) в японском высказывании.

В ходе анализа **соматизмов на субъектной позиции** интерес представляло поведение соматической лексической единицы в роли каузатора – насколько свои или чужие телесные проявления могут влиять на человека. Из 103 вхождений 78 высказываний (76%) были трансформированы, причем способы передачи актантной структуры оказались представлены в данном фрагменте корпуса в том же соотношении, что и в целом при неодушевленном субъекте, как было описано выше:

(4) *Слезы Зинаиды меня совершенно сбили с толку* → *Jinaida no namida de watashi wa sukkari douten shite shimatta* ‘Слезам был сильно удивлен’

(субъектно-объектная замена, итоговое значение агентивности = 22)

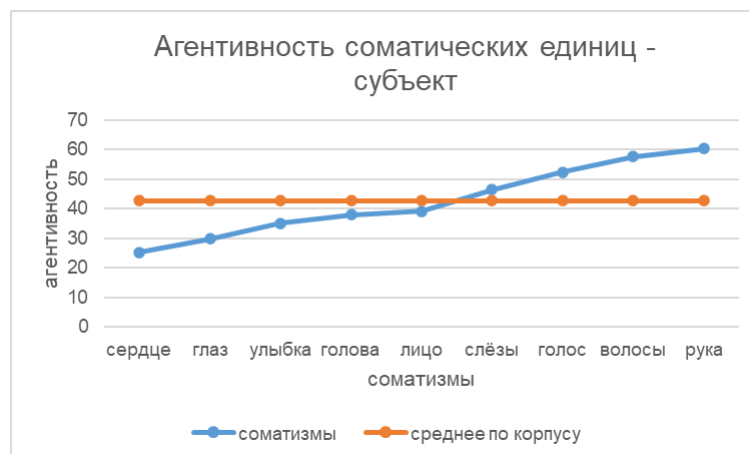
(5) *Голова и предсказание консультанта привели его к мысли о Понтии Пилате* → *Kubi to tokubetsu komon no yogen kara Pontiusu Piratous no koto ga omoidasare* ‘Исходя из головы и предсказания, вспомнился Понтий Пилат’

(пассив как частный случай субъектно-объектной замены, итоговое значение = 6)

(6) *улыбка, всегда переносившая Левина в волшебный мир* → *bishou ha itsumo Ryovin wo taho no sekai he to izanai* ‘улыбка, всегда приглашала Левина в волшебный мир’

(снижение акциональности предиката, итоговое значение = 44)

Средний показатель агентивности таких предложений близок к среднему значению по корпусу (42.64) и составляет 41.02. На диаграмме ниже представлены значения для всех соматических подлежащих, встретившихся в корпусе как минимум в двух исходных предложениях.

Агентивность японского предложения с соматическим субъектом

Соответственно, можно сделать вывод, что к соматическому субъекту в японском языке применимы те же правила и когнитивные ограничения, что и к неодушевленному субъекту, т.е., такая позиция субъекта не репрезентирует в достаточной мере человека, по крайней мере, не может функционировать как полноценная его замена. Интересно, что в ряду дефокусированных соматических главных актантов можно выделить наиболее близкие к человеку по агентивному показателю: это оказались *сердце* (25.17), *глаз* (29.8) *улыбка* (35.0), *голова* (38.0) и *лицо* (39.18). Наиболее агентивным соматическим каузатором оказалась *рука*, что можно объяснить высокой степенью самостоятельности данного телесного фрагмента как визуально осознаваемого и воплощенного инструмента обыденной жизни.

Если проанализировать поведение соматических каузаторов в сопоставлении с другими языками, то обнаруживается, что для индоевропейской языковой группы характерно более высокоагентивное оформление подобных синтаксических структур. Так, в исследовании А. В. Нагорной на материале английского языка описаны различные модели функционирования соматических каузаторов при одушевленном объекте: «существует достаточно представительный корпус высказываний, в которых в качестве каузатора выступает внутреннее тело, а каузируемым является перцепиент» [10, с. 396]. При этом в ее работе неоднократно подчеркивается активное начало в поведении органов внутреннего тела: «Орган способен не просто совершать действие, но и направлять его против собственного обладателя» [10, с. 353]. В результате соматическое подлежащее лишает событие контролируемости человеком, выводит его на периферию, а процессами начинает править, напр., желудок, наделенный определенной самостоятельностью: *Her stomach turned over again, making her feel a little weak* → *Ее желудок ... заставил ее почувствовать себя слабой* [10, с. 386-387]. В японском языке, как мы убедились выше,

наблюдается обратная ситуация: за редким исключением соматические каузаторы перемещаются на позиции вторичных актантов или еще дальше на синтаксическую периферию. И если между собой соматизмы еще могут взаимодействовать: *Улыбка искажила лицо Левия* → *Warai ga kao wo yugameta* и др., то при антропоориентированной направленности каузации возможность для соматизма заставить перцепиента изменить свое состояние допускается в японском языке гораздо реже.

Анализ поведения **соматизма на объектной позиции каузируемого** также ставил своей целью проверку положения о взаимовлиянии человека и его телесных фрагментов в контексте агентивности. Рассматривались три вопроса: необходимость трансформации исходного высказывания при воздействии не на человека в целом, а на его фрагмент; соответствующая степень изменения агентивного статуса соматизма; направление смещения фокуса воздействия в случае трансформации (происходит ли смещение по тем же правилам, что и при воздействии на человека целиком, подчиняется ли в таком случае объект описанным выше правилам и ограничениям по одушевленности и др.). Данные показали, что соматические объекты сохраняют свою исходную позицию более чем в половине вхождений: 181 пример из 346, что составляет 52% и показывает превышение значение данного показателя по субъекту более чем в два раза. В 48% высказываний соматический объект был каким-либо образом выведен с объектной позиции, при этом в ряде случаев с заменой предиката на менее агентивный, как в (7); ниже кратко продемонстрированы трансформационные процессы, которые аналогичны описанным выше:

(7) *Черная картофельная шелуха пачкала пальцы* → *Kawa de yubi ga yogoreta*
'Шелухой пальцы испачкались'

(субъектно-объектная замена, итоговое значение агентивности = 21)

В (7) соматизм переходит из прямого объекта на позицию субъекта, но при этом становится субъектным аргументом непереходного предиката *yogoreru* 'пачкаться', что в результате значительно снижает общую агентивность высказывания.

(8) *точно ужасная тяжесть давила ему грудь* → *osoroshii omosa de mune wo osaetsukerarete iru ka no you ni* 'Ужасной тяжестью грудь была сдавлена'

(аффективный пассив как частный случай субъектно-объектной замены, итоговое значение = 3)

В (8) аффективный вариант пассива еще более уменьшает каузативную силу, лишая и субъект, и объект номинативного статуса и приближая высказывание к безличному, что приводит к одному из самых низких показателей агентивности.

(9) После лекарства, **напоившего** все его тело → *Nonda kusuri wa zenshin ni hirogari*
'Лекарство, **распространившись** по всему телу...'

(снижение акциональности предиката, итоговое значение = 44)

В (9) происходит замена предиката, субъектным аргументом которого является лекарство: вместо аккузатива *напоить кого/что* употреблен датив *распространиться по*, уточняющий значение слова *все* в сочетании *все его тело*; при этом субъектным аргументом глагола *пить* становится человек, который выпил это лекарство; т.е., происходит субъектно-объектная замена, снижающая исходную агентивность.

(10) Наша пыль **тебе** глаза **выест** → *Wareware no hokori ga kimi no me wo tsubushi*
'Наша пыль **твои** глаза **выест**'

(пермутатив, интрапозиция посессора, итоговое значение = 80)

Такие случаи пермутатива, как в (10), интересны тем, что при сохранении исходной валентности предиката человек выводится с дативной позиции (*выест тебе; запачкает ему*) и дефокусируется как адресат, перемещаясь на атрибутивную позицию (*выест твои, запачкает твою*) и теряя внешнюю синтаксическую связь. В результате происходит перераспределение агентивной нагрузки и воздействие на человека снижается (это явление описывается подробно в [5], где демонстрируются варианты мены синтаксических ролей в случае экстрапозиции посессора за счет превращения актантной синтагмы в атрибутивную и наоборот).

Средний показатель агентивности в этой группе – 57.61 (включение понятия *душа*⁴ в этот подкорпус соматических объектов дает еще больший прирост показателя агентивности до 59,1) – это значимо выше как среднего показателя агентивности по корпусу (41.64), так и показателя агентивности соматического субъекта (41,02). Можно сделать вывод, что в высказываниях с соматическим объектом мы наблюдаем бОльшую степень допустимости нарушений семантико-синтаксических и когнитивных ограничений, накладываемых на прототипических участников каузативных высказываний, и, соответственно, меньшую степень трансформации исходного предложения, что показывает более высокую возможность занятия соматизмом позиции каузируемого. То есть, в японском представлении узконаправленная каузация более допустима, чем воздействие на человека в целом.

⁴ Понятие «душа» в японской лингвокультуре тесно связано с телесной составляющей; в работах Т. М. Гуревич мы неоднократно находим подтверждение этой идеи о том, что в японском понимании «Человек, его телесная и духовная составляющие неразделимы» [3, с. 211]. Как следствие, для отображения понятия «душа» в японском языке есть целый ряд слов, которые имеют также значения органов тела, например: 心 *kokoro* 'сердце, душа', 腹 *hara* 'живот, душа', 胸 *muné* 'грудь, душа', что позволяет включить слово *душа* в список рассматриваемых соматизмов.

Таким образом, соматический объект играет важную функцию: принимает на себя (частично или полностью) каузативный удар и перераспределяет агентивную нагрузку. Данное теоретическое положение было подкреплено и получило дальнейшее развитие в ходе исследования: было обнаружено схожее явление допустимости и даже желательности соматического объекта при неодушевленном каузаторе, обозначенное нами в итоге как «когнитивная амортизация», реализующееся путем введения дополнительного соматического актанта и, как следствие, проявляющееся в смещении или расщеплении каузативного фокуса и приводящее к снижению общей агентивности высказывания. Рассмотрим это явление в следующей части работы.

Соматизмы как амортизирующие актанты

Анализ переводческих решений, связанных с передачей воздействия неодушевленного субъекта на человека, позволил эмпирически обнаружить специфический способ фиксации агентивных процессов в японском языке – введение дополнительного (или замещающего) актанта, который частично или полностью принимает на себя основную каузативную нагрузку. Так, оригинальный вариант *слово мучило меня* трансформируется в *hitokoto ga watashi no kokoro wo kurushimete ita* ‘слово мучило мою душу’, где *меня* расщепляется на атрибутивную синтагму *мою душу*; в выражении *страх, как лед, околел его* в японском варианте околелевает не *он*, а *тело* с полным исключением человека из высказывания: *kyoufu ga <...> zenshin wo kouchoku saseta* ‘страх оледенел все тело’. А. А. Холодович называет такие случаи устранением *целого* из паратаксиста [16, с. 200], подробно рассматривая эти и другие вопросы взаимоотношения субстанции и ее партитивного атрибута в рамках паратактических отношений, особо выделяя роль органов человека, их свойств и элементов психики человека в японских синтаксических структурах и подчеркивая проблемы грамматического разграничения элементов *части* и *целого* в японском языке [16, с. 206-207]. В контексте агентивности можно предположить, что таким способом – устранением, заменой или добавлением дополнительных участников – японский язык стремится переместить каузативный фокус с человека на его часть или разделить вектор воздействия между несколькими участниками. В результате исходное синтаксическое ядро «неодушевленный каузатор – человек – глагол воздействия» дополняется третьим участником: у объекта вычленяется обладаемое, которое и становится прямым объектом, а сам объект снижает свой статус до дативного или атрибутивного.

В ходе исследования была выделена обширная группа таких примеров (295 единиц; 40% от всех обнаруженных соматизмов и 13% от общего количества примеров) исходно отсутствующих синтаксических пар «посессор + неотъемлемый объект обладания» с подвидом «человек + соматизм». Интересно, что даже с неодушевленными главными аргументами, не обладающими необходимыми агентивными признаками, в таких переходных конструкциях дополнительно вводимыми объектами обладания могут стать самые неожиданные предметы или их части, по тому же принципу, что и с соматическими компонентами: *ружье может проталкивать свой патрон* как описательный вариант передачи слова *выстрелить*, а *юбка поднимать свой подол* как японский вариант выражения *подниматься от ветра* – *подол* в данном случае можно условно принять за соматический компонент *юбки*; данные случаи рассматриваются нами отдельно, за пределами данной работы. Грамматически такие выражения часто оформляются аналитическими возвратными конструкциями: *задышаться как прерывать свое дыхание*; *подниматься как поднимать часть самой себя* и т. д. Такие посессивные отношения на материале русского языка описываются как частный случай когнитивной сопряженности с подчеркиванием «онтологической (по природе вещей) или ситуационной связи между составляющими» [5, с. 17-18]. В описываемых выше японских примерах дополнительный актант становится третьим участником события, который, несмотря на выраженную онтологическую природу когнитивной сопряженности – *юбка* вряд ли может поднимать не свой, а другой *подол*; кашляя, мы очевидно вступаем в отношения со своим, а не чужим *горлом* – в японском представлении действительности требует вывода на поверхностный уровень высказывания.

По своей грамматической природе такие выражения достаточно высокоагентивны. Даже при том, что агенсом в таких случаях выступает по отношению к себе сам участник (Ю. П. Князев в контексте модификации агентивного статуса называет это заменой «внешнего» агенса пассивных конструкций на «внутренний» возвратный и наоборот в [7, с. 151]), что некоторым образом снижает агентивный уровень всего высказывания, сам факт воздействия выражен довольно однозначно. Семантическое толкование таких необычных (особенно для японского языка с его тяготением к нетранзитивности) структур было исследовано в ходе бесед с информантами-японскими лингвистами⁵. В

⁵ Серия глубинных интервью была проведена автором в ходе полевых исследований в Японии в июле 2019 г. Респондентами выступили пять носителей языка, лингвистов и литературоведов – ведущих переводчиков русской литературы на японский язык: проф. И. Камэяма (Университет иностранных

целом данное явление подтверждает склонность японского языка к субъективизации в представлении происходящего и к локализации при категоризации действительности. В ходе серии глубинных интервью было выяснено, что в описании каузативных процессов использование соматизмов сужает область воздействия до определенного органа, уточняет точку приложения эмоций и смягчает высказывание путем перемещения фокуса воздействия на малую часть тела, снимая тем самым бремя чувствования с человека за счет снижения степени воздействия эмоции или мысли (см. ниже примеры из авторского корпуса). Такое снижение агентивной силы обеспечивается возникающей (или увеличивающейся) дистанцией между каузатором и каузируемым, причем в случае внутреннего взаимодействия «человек → соматический компонент» эта дистанция довольно условна: она прокладывается говорящим между собой и, напр., своей душой. В этом весь парадокс такого типа выражений в японском языке: японцы считают необходимым отделить в своем внутреннем *Я* психосоматический элемент *дух, душа* и воздействовать на него, иногда с использованием самого высокоагентивного способа каузации.

(11) *Этот простенький вопрос почему-то расстроил сидящего → Shigoku kantana kono shitsumon ni naze ka ki o meirase, otoko ha...* 'Этим простеньким **вопросом** **мужчина** почему-то **привел (свой) дух** в унылое состояние'

Видно, что вопрос расстраивает не человека целиком, а приводит в нерадостное состояние его дух – в результате происходит снижение общей агентивности высказывания за счет появления дополнительного, «смягчающего» актанта (который японские информанты-лингвисты в ходе полевых интервью обозначили как «kushshon» 'подушка'), что является довольно типичным способом передачи японцами информации об окружающем мире. По аналогии с пассивом обладания мы обозначим данный вид каузатива как «*tochinushi shieki*» или «каузатив обладания», а с функциональной точки зрения такое явление мы определим как «когнитивную амортизацию».

Итак, дополнительно вводимые амортизирующие актанты несут важную когнитивно-функциональную нагрузку: снижают бремя психофизического воздействия на человека за счет локализации каузативной направленности (волнуется не «весь» человек, а его сердце; кашель душит не «всю» женщину, а ее горло; и т. д.) Они

исследований, г. Нагоя), проф. Т. Мотидзуки (Университет Хоккайдо, г. Саппоро), проф. М. Нумано (Токийский Университет, г. Токио), проф. К. Нумано (Университет иностранных языков, г. Токио), проф. Ю. Като (Университет Цукуба, г. Цукуба). Автор выражает благодарность респондентам за помощь в анализе корпусных примеров.

представлены в корпусе разнообразным соматическим материалом, который интересен с точки зрения принципов организации японского соматического пространства. Анализ вариативности распределения показал, что из 295 вхождений дополнительных актантов 38 были уникальными; этот список возглавляет соматизм *сердце* 107 вхождений, *дух* – 49, *грудь* – 26, *глаз* – 18, *тело* – 14. В сумме эти пять самых частотных замещающих единиц составили 72% всех встреченных соматизмов в роли дополнительных актантов. Были встречены и случаи разового вхождения: *колени* (описательная передача глагола *встретиться* как *соединить свои колени*; *голос* заменил человека в выражении *вас заглушит жизнь* ‘ваш голос будет жизнью поглощен’ и т. д.). Рассмотрим несколько примеров вычленения какой-либо части тела для расщепления каузативного фокуса.

(12) **нос**: *Запах этот начал преследовать прокуратора с рассвета* → *Sono nioi ga yoake kara hana ni tsuite hanarenakatta* ‘Этот запах пристал и не мог отделиться от (его) **носа**’

(13) **плечи**: *Вся гнусность этого дела легла неизгладимым позором на ее мужа* → *Kono dekgoto no haji ga kotogotoku chouhonnin de aru otto no kata ni ojoku to natte nokotta* ‘оказалась бесчестью **на плечах ее мужа**’

(14) **нога**: *странное чувство остановило меня* → *aru fushigi na kanjou ga watashi no ashi wo hikitometa* ‘остановило **мои ноги**’

Показательно, что подобная вариативность выбора телесного фрагмента для локализации воздействия дает нам возможность проанализировать представления японцев о психосоматической структуре человека: вводя дополнительный телесноориентированный актант, они берут на себя ответственность за определение именно того фрагмента психофизической сущности человека, который в их представлении является когнитивно выделенным. В примерах выше видно, что позор обрушивается *на плечи* человека; чувство обездвиживает человека путем воздействия *на ноги*; любовь удерживает человека буквально *за волосы* и не дает ему покинуть объект любви и т. д. Некоторые зафиксированные в корпусе примеры передачи одной и той же ситуации разными переводчиками демонстрируют вариативность фокуса когнитивной выделенности в японском представлении:

(15) *Хмель известия начал понемногу разбирать его* → *Shirase wa ... kare no kokoro wo yowasehajimeta / ni shintou shihajimeta / tokihogushite ita*

‘начал опьянять его **душу** / просачиваться в его **душу** / развязывать его **душу**’;

... *kare no karada wo mawarihajimete ita* ‘начал охватывать его **тело**’;

... *zenshin ni mawarihajimete ita* ‘начал охватывать **его всего**’.

Примечательно, что в данном примере ни один переводчик из пяти (при разбросе в годах перевода более 100 лет) не оставил вектор воздействия *хмелья* на человеке целиком, как это было в оригинале. Трое выбрали объектом опьянения *душу*, но с разностью предикатов: эти три варианта оформлены как высокоагентивным каузативом *yowaseru* ‘опьянять’, так и среднеагентивным транзитивом *shintou suru* ‘просачиваться’, и низкоагентивным дуративом *tokuhogushite iru* ‘развязывать’, близким к описанию состояния более, чем действия; очевидно, что при более подробном расчете агентивности необходимо будет брать в расчет и эти метрики. Еще один из вариантов концентрирует наше внимание на *теле* как физической сущности – единица *karada* изначально, на раннем этапе развития языка, содержала графические компоненты ‘костяк, плоть’: 體 или 身; по этой ‘плоти на костях’ и ‘разливается круговым движением’ (*mawarihajimeru*) хмель в четвертом варианте. Пятый выбор акцентирует сему единства психофизического начала путем выбора соматизма *mi*, отображающего сущностные свойства человека, включая сему самости, личности; иногда эта лексический компонент указывает в целом на понятие *живого, жизни* как комплексного материального и духовного существования личности; в таком варианте хмель разбирает ‘меня всего’. В итоге, налицо вариативность японского понимания опьянения – попадает ли под него наша душа, тело или целиком личность.

Следующий пример показателен особым статусом неодушевленного субъекта – природного явления, обладающего определенной собственной внутренней силой. Во-первых, воздействие явления природы на человека может быть довольно ощутимым с точки зрения реальности физического воздействия – ветер и другие проявления стихии действительно могут помешать человеку выполнять какие-либо действия, буквальным образом вмешиваясь в этот процесс. Во-вторых, значимость природы в процессах японского мироустройства может быть объяснена сохранением в мышлении японцев синтоистского архаического субстрата, что обозначается в японском религиозно-философском дискурсе как проявление исконного японского миропонимания (подробнее о репрезентации анимистического потенциала и внутренней энергии природных явлений в японском языке см. в [14]). В качестве иллюстрации этого положения проанализируем следующий пример из корпуса: проверим, что именно каузирует ветер, не давая Левину быстро бежать во время грозы, т. е., за счет локализации на каком именно фрагменте тела смягчается воздействие ветра:

(16) *Ветер упорно <...> останавливал Левина →*

Ветер тормозит **его всего**: *Ryovin wo tachidomarase*;

Ветер тормозит **его руки**: *Kaze wa te wo habami*;

Ветер тормозит **его ноги**: *Kaze wa Revin no ashi wo habami*.

Важно подчеркнуть, что не только этот пример, но и корпусные данные в целом подтверждают высокий агентивный статус природных явлений в японском языке: средний показатель агентивности в категории «природа» – 51,3, что значительно выше среднего 42,64. Это может служить доказательством высокого каузативного потенциала стихийных явлений в структуре типизированного японского лингвокогнитивного опыта.

Интересно было обнаружить вариативность выбора соответствующей телесной составляющей не только на уровне самостоятельной синтаксической единицы, но и в случае вхождения соматического компонента в состав актанта, оформленного основосложным композитом. Так, оба корпусных варианта передачи предложения *Мое присутствие стесняет вас* содержат основосложные лексемы с включенным соматизмом, но при этом один носитель проецирует влияние на зрение и выбирает вариант 目ざわり *mezawari* ‘мозолить глаза’, подчеркивая этим, что видеть бы не видел, а второй носитель описывает данную ситуацию как воздействие на душевное состояние человека, определяя точку воздействия как дух, настроение выбором лексемы 気づまり *kidumari* ‘чувствовать себя неловко’ (*Boku ga mezawari na n da* ‘Я вроде бельма на глазу’ / ‘*Boku ga kidumari mitai da shi*’ Я как источник неловкости). Помимо эксплицитно обозначенных в основосложных композитах «目 ‘глаз’ + ‘трогать’» и «気 ‘дух’ + ‘быть стесненным’» соматических фрагментов, в корпусе встретились также имплицитные проявления телесных обозначений, чье присутствие обусловлено лишь глубинной внутренней мотивировкой и не всегда легко вычленимо на поверхностном уровне. Так, в предложении *Она (счастливая звезда) спасла его от встречи с Маргаритой* → *Marugariita no mashi ni kakawaranakute sunda no mo, kouun no hoshi no o kage datta* компонент *shu* 手 ‘рука’ обозначается лишь графически в составе иероглифического композита *mashu* 魔手 с устоявшимся значением ‘злой умысел’. Впрочем, здесь внутренняя мотивировка довольно прозрачна (а в японских толковых словарях можно найти и прямое значение ‘рука злого духа’), и при взгляде на иероглифические составляющие становится понятно, что счастливая звезда спасла от встречи с демонической рукой Маргариты.

В редких случаях посессивный соматический компонент выделяется и у неодушевленного субъекта; в результате формируется пара «неодушевленный посессор – соматическое обладаемое»:

(17) Бал **унал на нее сразу в виде света, вместе с ним – звука и запаха** → *Budoukai wa <...> kanojo no mae ni sugata wo arawashita* ‘Бал представил перед ней свою **фигуру**’

(18) Сама судьба **предназначила их друг для друга** → *Unmei ga tezukara futari wo o tagai no tame ni yotei shite ita* ‘Судьба **свела их** своими собственными **руками**’

Аналогично, были встречены обратные случаи неодушевленного амортизанта при одушевленном посессоре:

(19) Призыв к его великодушию, ... и необходимость заключить письмо чем-нибудь трогательным остановили **ее** →

Kanojo no te wa tomatta ‘Ее **рука** остановилась’;

Kanojo wa te wo tometa ‘Она остановила **руку**’;

Kanojo wa pen wo tometa ‘Она остановила **ручку**’.

В оригинале обстоятельства останавливают героиню, что в японских аналогах конкретизируется как *остановить руку* (вводится телесный фрагмент героини) и *остановить ручку* (вводится дополнительный неодушевленный предмет – ручка, пишущая принадлежность). Таким образом, в данном случае наблюдается расщепление каузативного фокуса на посессора и как соматическое, так и предметное обладаемое.

Показательно, что в некоторых случаях выбор варианта амортизации одинаков: напр., все три варианта перевода предложения *Кот устроил в бассейне номер, задержавший Маргариту* представлены одной и той же структурой, содержащий дополнительный актанта *нога*; причем Маргарита, заинтересовавшись номером кота, сама ‘останавливает <свои> ноги’: *Neko ga puuru de yokyou wo hajimeta node, Marugariita wa ashidome wo kutta*. Такие случаи могут первично свидетельствовать об устойчивости таких сочетаний в японских мыслительных структурах, и, как следствие, о сформированности типизированного лингвистического опыта представителей одной лингвокультуры (в целом мотивированность выбора того или иного соматического объекта может стать темой отдельного исследования).

Следует подчеркнуть, что свободный выбор соматической единицы достаточно информативен для выявления когнитивных предпочтений японцев относительно акцентирования тех или иных частей тела. Выбор японских аналогов исходных соматических актантов в некоторой степени предопределен оригиналами, так или иначе обязывающими переводчика употребить соответствующий соматизм, но выбор дополнительных актантов наиболее показателен с точки зрения их когнитивной выделенности. Наиболее предпочтительными актантными вариантами для снижения каузативного удара является триада «сердце-дух-грудь», в рамках которой

просматривается негласное распределение ответственности за разные процессы: *kokoro* ‘сердце, душа’ принимает на себя абстрактное воздействие, а *mine* ‘грудь, душа’ более подходит для смягчения конкретного физического влияния, хотя в корпусе встречались и обратные примеры. Далее в перечне амортизирующих актантов по мере убывания следуют *глаз, тело (психофизический акцент), голова, рука, фигура, лицо, горло, тело (физический акцент), нога, дыхание, печень, живот, нос, волосы, голос, нервы, колени, щеки*, что последовательно обозначает степень когнитивной выделенности соответствующих частей тела и иных психофизических компонентов в японском представлении.

Выводы

Итак, в рамках данного исследования в ходе выделения и анализа агентивных признаков соматизмов было обнаружено, что:

- на японские соматизмы в субъектной позиции накладываются те же когнитивные ограничения, что и на неодушевленные субъекты: они преимущественно выводятся с центральных синтаксических позиций с соблюдением среднего показателя агентивности, свойственного высказываниям с неодушевленным каузатором;
- японские соматизмы, занимающие объектную позицию, демонстрируют обратное явление: локализация воздействия на соматическом компоненте приводит к значимому усилению агентивных характеристик японского предложения в сравнении со средним значением по указанному типу клауз;
- смягчение не свойственной японскому языку антропоориентированной каузации происходит за счет введения дополнительного соматического актанта, выполняющего амортизирующую функцию путем разделения с перцепиентом (человеком) агентивного воздействия или полного вывода человека из-под каузативного удара.

Таким образом, анализ параллельного корпуса русско-японских соответствий позволил выявить особенности агентивного употребления японских соматических конструкций. Были подтверждены положения о невыраженности агентивных свойств у неодушевленных субъектов, даже если они представлены соматизмами, онтологически сопряженными с человеком как центром разворачивания действия в японском языке. Также в ходе работы было выявлено, что, помимо традиционно описываемых в лингвистике принципов метафорического замещения соматизмами человека по схеме

«часть = целое», к их функциональной особенности в японском языке можно отнести выполнение задачи сужения области воздействия на человека до его какого-либо телесного фрагмента с целью локализации ощущения или воздействия. Усиленная акцентуация соматизмов ставит целью выведение человека из-под каузативного удара, выполняемого неодушевленным субъектом, а именно: при сосредоточении ощущения на конкретном телесном фрагменте и соответствующей синтаксической выделенности соматизма человек дефокусируется и каузативная нагрузка на него снижается. Сущностные свойства такой синтаксической (а на глубинном уровне – когнитивной) нагруженности позволяют нам обозначить это явление как «когнитивную амортизацию».

В данном контексте особое внимание вызвало такое своеобразное явление японского языка, как системное использование высококаузативных конструкций для обозначения действий, выполняемых одушевленным или неодушевленным субъектом в отношении самого себя. При этом каузативные модели взаимодействия человека со своим телом распространяются также и на неконтролируемые психосоматические процессы – участниками таких ситуаций становятся дыхание, озноб, покраснение и другие не поддающиеся системному регулированию психосоматические проявления человека. Истоки агентивнонагруженного языкового представления этого взаимодействия можно обнаружить в японской теории телесности, в рамках которой не существует четкого разделения на физические и психические проявления сущности человека. Данное психосоматическое тождество в восточной философии во многом определяет, на наш взгляд, принципы постижения мира японцами: познание через физические ощущения, научение через непосредственно переживаемый опыт; что и приводит к выделению собственного соматического пространства в качестве условно отделяемой и управляемой территории для первого шага в освоении окружающего мира.

Вариативность выбора амортизирующих соматических единиц, синтаксически локализующих фокус каузативной силы, позволила определить категоризирующую направленность мысли носителей японского языка и обозначить, какие телесные фрагменты наиболее когнитивно выделены в японском представлении. Наименьшее расстояние (вычисленное с помощью метрик агентивности и частотности соматической единицы) было обнаружено между человеком и душой, а также сердцем как ееместилищем, что может служить доказательством закрепления данного понимания в коллективном японском когнитивном пространстве. В целом анализ агентивного поведения соматизмов помог понять степень воплощенности человека в телесном дискурсе, сделать вывод о когнитивной близости того или иного фрагмента телесной

сферы к центру понятия *человек* в японском понимании и структурировать коллективный соматический опыт в рамках японского менталитета.

Литература

1. *Аркадьев П. М., Крейдлин Г. Е., Летучий А. Б.* Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Признак «форма». Вопросы языкознания. 2008. №6. С. 8–97.
2. *Басс И. И.* Проблемы современного японского языкознания. Лингвистика текста: дис....д-ра фил. наук. СПб, 2009. 410 с.
3. *Гуревич Т. М.* Культурологическая парадигма преподавания японского языка. Вестник МГИМО Университета. 2012. №2. С. 208-212.
4. *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Гнозис, 1995. 390 с.
5. *Кибрик А. Е., Брыкина М. М., Леонтьев А. П., Хитров А. Н.* Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования. Вопросы языкознания. 2006. №1. С. 16-45.
6. *Клыгина Е. А., Крейдлин Г. Е.* База данных «тело и телесность» в языке и культуре (идеология, структура и наполнение). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды XVIII межд. конф. «Диалог 2012». М. 2012. С. 256–267.
7. *Князев Ю. П.* Агентивность как шкала градаций. Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. С. 146-155.
8. *Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е.* Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела. Вопросы языкознания. 2011. №6. С. 54-66.
9. *Колмогорова А. В., Калинин А. А.* Частотность и сочетаемость соматизмов в текстах различной эмоциональной тональности. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2018». М., 2018. С. 1–11.
10. *Нагорная А. В.* Вербальная репрезентация интероцептивных ощущений в современном английском языке: дис....д-ра фил. наук. М., 2015. 460 с.
11. *Плунгян В. А.* К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимание в языке догон). В кн.: Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 155-160.

12. Подлеская В. И. «Чужая» речь в свете корпусных данных. Вопросы языкознания. 2018. №4. С. 47-73.
13. Прожилов А. В. Соматические состояния человека и их языковая онтология в современном немецком языке: дис....канд. фил. наук. Иркутск, 1999. 208 с.
14. Стрижак У. П. Синтоистская традиция как основа японского мировосприятия и обучения // Asiatica: Труды по философии и культурам Востока. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2015. №9. С. 150-155.
15. Стрижак У. П. Японский язык в антропоцентричном пространстве: когнитивный подход в обучении. М.: Серебряные нити, 2020. 162 с.
16. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1979. 304 с.
17. Ikegami Yo. «Suru» to «naru» no gengogaku (Лингвистика: «язык-делать» и «язык-становиться»). Tokyo: Taishukan, 2011. 304 p.
18. Kindaichi H. Nihongo no tokushitsu (Особенности японского языка). Tokyo: NHK books, 2007. 245 p.
19. Kondo A. «Nihongorashisa» no bunpo («Японскоподобная» грамматика японского языка). Tokyo: Kenkyusha, 2018. 288 p.
20. Toyota S. Eigo no hasso, nihongo no hasso (Идеи в английском и японском языках). Tokyo: NHK books, 1992. 190 p.

Контактная информация:

Стрижак Ульяна Петровна – канд. пед. н.; ustrizhak@hse.ru

Japanese agentivity: linguistic behavior of somatic actants (based on corpus data)

U. P. Strizhak

National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

The article analyzes the features of agentive somatic constructions in Japanese based on the material of the author's parallel syntactically marked Russian-Japanese corpus of examples, where the cases of the inanimate subject's influence on a person marked for the Japanese cognitive language norm are documented. These cases violate the hierarchical representations of the Japanese and their cognitive ideas about the surroundings. The work describes the uses of somatic words both in the subject and in the object positions with the interpretation of their agentive features, considering their ontological association with a person as the center of action deployment in Japanese. Such kind of the Russian agentive somatic constructions requires transformation when they are translated into Japanese; thus, the linguo-cognitive analysis of Russian-Japanese analogues explains the peculiarities of the agentive use of Japanese somatics in terms of cognitive perception of their semantic and syntactic roles. At the same time, in the object use of somatics their special subspecies are distinguished: additional actants absent in the original text, performing the functions of softening the causative force, introduced in this work as "damping" actants. As a result, the concept of "cognitive depreciation" is introduced into scientific discourse, meaning a softening of the emotional impact, which is necessary in Japanese for the transformation of a cognitively incorrect agentive statement containing a causative anthropologically oriented component with an inanimate subject as a causator. The final goal of the work is to determine the agentive status of Japanese somatics and its interpretation.

Keywords: somatics, agentivity, Japanese language, cognitive limitation, inanimate subject

References

1. Arkad'ev P. M., Kreidlin G. E., Letuchii A. B. Semiotic conceptualization of the body and its parts. Vol. I. Feature "form". *Topics in the study of language*, 2008, no. 6, pp. 8–97. (In Russian)
2. Bass I. I. *Problems of modern Japanese linguistics. Text's linguistics: dis....doct. fil. sci.*, Moscow, 2009. 410 p. (In Russian)
3. Gurevich T. M. Culturological paradigm of Japanese language teaching. *Vestnik MGIMO University*. 2012, no. 2, pp. 208-212. (In Russian)
4. Dybo A. V. *Semantic reconstruction in Altaic etymology. Somatic terms (shoulder zone)*. Moscow, Gnozis Publ., 1995. 390 p. (In Russian)

5. Kibrik A. E., Brykina M. M., Leontiev A. P., Khitrov A. N. Russian possessive constructions in terms of corpora statistical research. *Topics in the study of language*, 2006, no. 1, pp. 16-45. (In Russian)
6. Klygina E. A., Kreidlin G. E. Database "body and corporality" in language and culture (ideology, structure and content). *Computational linguistics and intellektual tekhnologies: issues of XVIII int. konf. «Dialog 2012»*. Moscow, 2012, pp. 256–267. (In Russian)
7. Kniazev Iu. P. Agency as a scale of gradations. *Psychological aspects of speech activity's study*. Ekaterinburg: Ural St.Ped.Univ. Publ., 2016, pp. 146-155. (In Russian)
8. Kozerenko A. D., Kreidlin G. E. Phraseological somatisms and semiotic conceptualization of the body. *Topics in the study of language*, 2011, no. 6, pp. 54-66. (In Russian)
9. Kolmogorova A. V., Kalinin A. A. Frequency and compatibility of somatisms in texts of different emotional tonality. *Computational linguistics and intellektual tekhnologies: issues of XVIII int. konf. «Dialog 2018»*. Moscow, 2018, pp. 1–11. (In Russian)
10. Nagornaia A. V. *Verbal representation of interoceptive sensations in modern English: dis. ... doct. fil. sci.*, Moscow, 2015. 460 p. (In Russian)
11. Plungian V. A. To the description of the African "naive picture of the world" (localization of sensations and understanding in the Dogon language). *Logical analysis of the language: cultural concepts*. Moscow: Nauka Publ., 1991, pp. 155-160. (In Russian)
12. Podlesskaia V. I. Reported speech through the lens of corpus data. *Topics in the study of language*, 2018, no. 4, pp. 47-73. (In Russian)
13. Prozhilov A. V. *Somatic human states and their linguistic ontology in modern German: dis.... kand. fil. sci.*, Irkutsk, 1999. 208 p. (In Russian)
14. Strizhak U. P. Shinto tradition as the basis of the Japanese worldview and learning. *Asiatica: Issues on oriental philosophy and cultures*. St. Petersburg: SPb Univ. Publ., 2015, no.9, pp. 150-155. (In Russian)
15. Strizhak U. P. *Japanese language in an anthropocentric space: a cognitive approach to teaching*. Moscow: Serebrianye niti Publ., 2020. 162 p. (In Russian)
16. Kholodovich A. A. *Problems of grammar theory*. Leningrad: Nauka, Leningr. Otd., 1979.

17. Ikegami Yo. *Linguistics: do-language and become-language*. Tokyo: Taishukan, 2011. 304 p. (In Japanese)
18. Kindaichi H. *The features of Japanese language*. Tokyo: NHK books, 2007. 245 p. (In Japanese)
19. Kondo A. *Japanese-like grammar of Japanese language*. Tokyo: Kenkyusha, 2018. 288 p. (In Japanese)
20. Toyama S. *Ideas in English and Japanese languages*. Tokyo: NHK books, 1992. 190 p. (In Japanese)

Author's information:

Uliana P. Strizhak – PhD in Pedagogy; ustrizhak@hse.ru

Приложение. Фрагмент параллельного русско-японского корпуса.

id	sid	cid	title	author	translat	year	cid	change_ty	add	ac	ag_orig	ag_otype	a	ag_trans	ag_ttype	
1	1	19	Idiot	Dostoevsky	Yonekawa	1914	5	hedge_body	0		впечатлени	psychophysic	6	впечатление	psychophysic	
1	2	19	Idiot	Dostoevsky	Nakayama	1934	4	act_reduct	0		впечатлени	psychophysic	6	впечатление	psychophysic	
1	3	19	Idiot	Dostoevsky	Kimura	1970	5	hedge_body	0		впечатлени	psychophysic	6	впечатление	psychophysic	
1	4	19	Idiot	Dostoevsky	Mochizuki	2010	4	act_reduct	0		впечатлени	psychophysic	6	впечатление	psychophysic	
1	5	19	Idiot	Dostoevsky	Kameyama	2015	4	act_reduct	0	hedge	0,5	впечатлени	psychophysic	6	впечатление	psychophysic
1	6	19	Idiot	Dostoevsky	Yonekawa	1914	6	no change	0		мысль	intellect	5	мысль	intellect	
1	7	19	Idiot	Dostoevsky	Nakayama	1934	1	sub_change	1		мысль	intellect	5	мысль	human	
1	8	19	Idiot	Dostoevsky	Kimura	1970	1	sub_change	1	hedge	0,5	мысль	intellect	5	человек	human
1	9	19	Idiot	Dostoevsky	Mochizuki	2010	4	act_reduct	0		мысль	intellect	5	мысль	intellect	
1	10	19	Idiot	Dostoevsky	Kameyama	2015	1	sub_change	1		мысль	intellect	5	человек	human	
1	11	19	Idiot	Dostoevsky	Yonekawa	1914	5	hedge_body	0		намеки	intellect	5	намеки	intellect	
1	12	19	Idiot	Dostoevsky	Nakayama	1934	5	hedge_body	0		намеки	intellect	5	намеки	intellect	
1	13	19	Idiot	Dostoevsky	Kimura	1970	5	hedge_body	0		намеки	intellect	5	намеки	intellect	
1	14	19	Idiot	Dostoevsky	Mochizuki	2010	2	sub_change	1	0	намеки	intellect	5	человек	human	
1	15	19	Idiot	Dostoevsky	Kameyama	2015	2	sub_change	1	0	намеки	intellect	5	человек	human	
1	16	19	Idiot	Dostoevsky	Yonekawa	1914	6	no change	0		случай	circumstances	3	случай	circumstances	
1	17	19	Idiot	Dostoevsky	Nakayama	1934	1	sub_change	1		случай	circumstances	3	человек	human	
1	18	19	Idiot	Dostoevsky	Kimura	1970	2	sub_change	1		случай	circumstances	3	судьба	human	
1	19	19	Idiot	Dostoevsky	Mochizuki	2010	6	no change	0		случай	circumstances	3	чудо	circumstances	
1	20	19	Idiot	Dostoevsky	Kameyama	2015	2	sub_change	1		случай	circumstances	3	проказы	human	
1	21	19	Idiot	Dostoevsky	Yonekawa	1914	6	no change	0		интерес	social	4		social	
1	22	19	Idiot	Dostoevsky	Nakayama	1934	2	sub_change	1	0	интерес	social	4	человек	human	
1	23	19	Idiot	Dostoevsky	Kimura	1970	6	no change	0		интерес	social	4	интерес	social	
1	24	19	Idiot	Dostoevsky	Mochizuki	2010	2	sub_change	1	0	интерес	social	4	человек	human	
1	25	19	Idiot	Dostoevsky	Kameyama	2015	2	sub_change	1	0	интерес	social	4	человек	human	
1	26	19	Idiot	Dostoevsky	Yonekawa	1914	1	sub_change	1	hedge	0,5	дрожь	psychophysic	6	человек	human
1	27	19	Idiot	Dostoevsky	Nakayama	1934	1	sub_change	1	hedge	0,5	дрожь	psychophysic	6	человек	human
1	28	19	Idiot	Dostoevsky	Kimura	1970	1	sub_change	1	hedge	0,5	дрожь	psychophysic	6	человек	human
1	29	19	Idiot	Dostoevsky	Mochizuki	2010	1	sub_change	1	hedge	0,5	дрожь	psychophysic	6	человек	human
1	30	19	Idiot	Dostoevsky	Kameyama	2015	4	act_reduct	0	hedge	0,5	дрожь	psychophysic	6	дрожь	psychophysic
1	31	19	Idiot	Dostoevsky	Yonekawa	1914	1	sub_change	1	hedge	0,5	мысль	intellect	5	мысль	human
1	32	19	Idiot	Dostoevsky	Nakayama	1934	1	sub_change	1		мысль	intellect	5	человек	human	
1	33	19	Idiot	Dostoevsky	Kimura	1970	1	sub_change	1	hedge	0,5	мысль	intellect	5	человек	human